

В. К. ПЕТУХОВ

«Слово о полку Игореве» в переводе П. П. Негоша

В 1951 г. исполнилось 100 лет со дня смерти П. П. Негоша — великого поэта и крупного государственного деятеля Югославии. Негош хорошо знал русский язык и внимательно следил за развитием русской литературы. Столетие смерти поэта было отмечено началом издания полного собрания его сочинений. Последний том собрания вышел в 1954 г. Во II т. сочинений помещены отрывки из «Слова о полку Игореве», переведенные поэтом.¹

Рукопись, содержащая перевод «Слова», была обнаружена проф. А. Гавриловичем в редакторском архиве известного сербского журналиста Д. Медаковича и была впервые опубликована в 1905 г.² В годы второй мировой войны рукопись пропала. По описанию А. Гавриловича, она представляла собой три листа большого формата. Какие-либо примечания и заметки отсутствовали. Негошем были переведены четыре отрывка из «Слова» (приблизительно одна пятая часть), каждый из которых имел заглавие.

Сербский ученый М. Бабович³ в работе, посвященной переводу «Слова» Негошем, ввиду отсутствия в Югославии первых изданий текста памятника, не смог ответить на вопрос, какое русское издание легло в основу данного перевода. Настоящая работа представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

Осенью 1837 г. Негош приехал в Петербург и пробыл в нем около месяца. В мае—июне этого же года вышел из печати прозаический перевод «Слова» М. А. Максимовича. Вероятнее всего, Негош и воспользовался этим изданием при своем переводе. Однако прежде чем рассматривать перевод М. А. Максимовича, коротко остановимся на изданиях «Слова о полку Игореве», появившихся до 1837 г.

Мы рассмотрим их в хронологическом порядке. В 1803 г. появилось стихотворное переложение «Слова» И. Серякова.⁴ Проведенное ниже сравнение переводов Негоша и И. Серякова убеждает нас в том, что в основу перевода Негоша лег не этот текст.

Помним в древних мы преданиях
Применяли как сражения
К быстру стаду соколиному,
Пушину на белых лебедей;
Чей сокол всех напред летел,
Прежде песнь тому и пелася.

Он пјеваше прошли дана збића,
Не пјеваше как оно се пјева.
(Танким гласом и слабым ријечима)
Већ он пушћа десет соколовах.
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.⁵

¹ П. П. Његош, Дјела, књ. 2, Београд, 1953, стр. 374—381.

² А. Гавриловић. «Слово о полку Игореве» у српској књижевности. В Годишнице Николе Чупића, књ. XXIV. Београд, 1905.

³ М. Бабовић. Његошев превод «Слова о полку Игореве». Београд, 1953.

⁴ И. Серяков. Поход Игоря противу половцев. СПб., 1803.

⁵ Здесь и в дальнейшем изложении тексты приводятся по упомянутому выше изданию сочинений Негоша.

И. Серяков передает «предание» в безличной форме, тогда как у Негоша действующим лицом является Боян. У И. Серякова песня поется тому, чей сокол прилетел к стае лебедей первым. У Негоша же песнь поет лебедь.

Тут взглянул на солнце красное,
И увидел свое воинство
Тьмой густою все покрытое,
Пронес со вздохом речь к нему:
«Гой, вы братья и друзья мои!
Быть нам лучше всем изрубленным
Нежель в плен итти и бедствовать».

Храбри Игор пушћа оћи своје
Да сунчане испитају тајне,
Али сунце свијетло не бива,
Мрак јер сакри коње и јунаке.
(Божја воља казује се вишња).
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћа моја и дружина врсна,
Боље нам је умиријет јуначки
Нег плијеном постати душману».

В данных двух отрывках говорится об одном и том же событии. Однако изображение его у этих авторов настолько различно, что трудно предположить возможность использования Негошем текста И. Серякова.

Ах! плачевный раздается глас,
Ярославной выпускаемый;
Нежный стон несется в воздухе;
Как оставленная горлица,
Так она воркует в тереме
По утрам тоской снедаемая.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Јарославна,
Игорова вијерница љуба.

У Негоша Ярославна сравнивается не с горлицей, как это делает И. Серяков, а с кукушкой. Отсутствуют в тексте Негоша вторая и четвертая строчки перевода И. Серякова. Подобные несоответствия в текстах Негоша и И. Серякова можно проследить почти в каждом отрывке, изображающем то или иное событие.

Следующее переложение текста «Слова» появилось в 1807 г. Оно было сделано в стихотворной форме А. Палицыным.⁶ Остановимся на первом примере.

Любовь к отечеству зовет, о Россы нас!
Воспеть брань Игоря на древний предков
глас,
Каким их подвиги вещались знамениты:
Да будут бытия и наших лет открыты. . .
Спокойным гласом так к своей дружине рек:
«Друзья, не унывать, разить я с вами тек.
В кровавой сечи пасть славнее под мечами,
Чем, вдавшись в плен, стенать под тяжкими
цепями».

Лијепо л'је нама појевати,
По старински пјесну удесити,
О ратиштах тврдога Игора,
Свјатослава јуначкога синка. . .
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћа моја и дружина врсна,
Боље нам је умиријет јуначки,
Нег плијеном постати душману».

При сравнении этих отрывков прежде всего бросается в глаза простота и спокойная повествовательность тона перевода Негоша. У него полностью отсутствует напыщенность и нарочитая стилизация, которые отличают текст А. П. Палицына.

Уже Российская рать течет со всех сторон,
Сбираясь из жилищ в поход на гордый
Дон.
Не бурей чрез поля широки, отдалены
Не многи соколы то были занесены,
Но войска дружных птиц подобились
стадам,
Готовым устремить полет к Донским брегам.

Нјесу оно тице соколови
Те прел'јећу свуд широка поле,
Већ је оно јато плашивца
Те побјеже Дону великому.

⁶ А. П а л и ц ы н. Игорь. Героическая песнь. Харьков, 1807.

Первые две строки в отрывке А. Палицына лишние по сравнению с оригиналом «Слова» и с переложением Негоша. К тому же у Негоша использован поэтический образ стаи летящих на Дон галок, что полностью соответствует тексту памятника, тогда как у Палицына наблюдается здесь совершенно неоправданное искажение этого поэтического сравнения. Уже на основании сравнения этих параллельных отрывков Негоша и Палицына становится ясным, что Негош не прибегал к использованию текста последнего.

Стихотворный перевод Н. Язвицкого⁷ не заслуживает специального рассмотрения, так как автор значительно сократил «Слово о полку Игореве» в своем переводе. Например, у Н. Язвицкого отсутствуют следующие места текста «Слова»: 1) от слов «Помнишьте бо, рече, пьрвыхъ времянь усобиць» до слов «Боянь, же братия, не 10 соколовъ, на стадо лебедей пушаше»; 2) от слов «О, Бояне, Соловию старого времени!» до слов «не буря соколы занесе»; 3) от слов «Съ зарания до вечера» до слов «Что ми шумить, что ми звенить»; 4) от слов «Ту ся брата разлучиста» до слов «Уж бо, братие, не веселая година вьстала». Все эти выпущенные Н. Язвицким места полностью сохранены в переводе Негоша. Следовательно, Негош положил в основу своего перевода какое-то другое, значительно более полное переложение «Слова».

В 1813 г. был издан стихотворный перевод памятника, сделанный И. Левитским.⁸ Сравним следующие два отрывка.

Нам приятно братцы песнь воспеть
Древним слогом — слогом жалобным
О походе славна Игоря,
Не веселую — печальную.

Лијено л'је нама појевати
По старински пјесну удесити,
О ратиштах тврдога Игоря
Свјатослава јуначкога синка.

Четвертая строчка отрывка Левитского совсем отсутствует у Негоша. Левитский называет Игоря просто по имени, у Негоша же указано и отчество Игоря.

Что за шум слышен в полуночи
До восхода зари утренней?
Игорь двинулся с полками в путь:
Брата жаль ему Всеволода,
Жаль что войско Половецкое
Победило войско русское.
Войска сходятся немедленно,
Брань кровава начинается,
Копьев звуки умножаются.

Почуј гласе, звоном се разл'јежу
Игор чете окупљава своје,
Жалећ' милог брата Всеволода.

В следующем отрывке Левитского только четыре первые строчки соответствуют тексту «Слова». Все остальное добавлено самим Левитским. Негош же дает почти дословный перевод соответствующих строк памятника.

Ярославнин голос слышется
Как оставленная горлица,
По утрам воркует жалобно.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Јарославна,
Игорова вијерњица љуба.

У Левитского, так же как и у Серякова, Ярославна изображена как «оставленная горлица», а Негош обращается к сравнению, использован-

⁷ Чтение в Беседе любителей русского слова, кн. 6. СПб., 1812.

⁸ И. Левитский. Ироическая песнь о походе Игоря на половцев. СПб., 1813.

ному автором «Слова». Перевод Негоша гораздо более близок оригиналу, чем переложение Левитского. Поэтому можно почти с уверенностью утверждать, что Негош имел для работы какой-то иной, более точный перевод «Слова».

После стихотворного переложения Левитского вышел перевод Я. Пожарского,⁹ сделанный в прозаической форме. Ниже мы сравним ряд отрывков из переводов Пожарского и Негоша.

Памятна речь прежних времен о брани;
тогда же пускали десять Соколов на стадо
лебедей, чей сокол долетал, тот прежде
песнь воспевал.

Он пјеваше прошли дана збића. . .
Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

При сравнении первых двух отрывков наблюдается то же расхождение, какое мы видели при сравнении этого же отрывка Негоша с переводом Серякова. У Пожарского, как и у Серякова, рассказ о соколах ведется в безличной форме, только у него песнь пел тот, чей сокол долетал до лебедей первым.

Почернела земля под копытами, костью
была засеяна, а кровию полита: огорчен-
ные сим половцы взошли в Русскую землю.

Тутњи земља коњу под копитом,
Црвеном се залијева крвцом,
Топлом крвљу из срца јуначког,
Ај, Русијо, постојбина њина,
Крв је твоја и туга је твоја.

Пожарский, описывая поражение князя Игоря и печаль земли Русской, делает следующий неверный вывод: «...огорченные сим половцы...». Негош же избежал ошибки Пожарского и дал в своем переводе тождественное оригиналу толкование этого события.

Свивая славою обе половины сего времени,
носясь за войском Трояновым чрез поля
на горы.

Опјевај нам славу Игорову,
Да се вијни Тројанову зиду.

Обращение автора к Бояну, всегда остававшееся спорным местом «Слова», Пожарский переводит «свивая славою». Негош же вообще выпустил это место. Можно предположить, что Негош не обошел бы молчанием поэтический образ славы, соединяющей два героических периода жизни русского народа, если бы был знаком с переводом Пожарского. Небезынтересно отметить, что в переводе Максимовича это место памятника тоже опущено.

Следующий прозаический перевод был опубликован в 1823 г. и принадлежал Н. Граматину.¹⁰ Рассмотрим это издание «Слова» сравнительно с переводом Негоша.

Помнил он сказания давно минувших вре-
мен о войне, и тогда пускал десять соко-
лов на стадо лебедей, который сокол до-
летал, ту наперед песню он пел.

Он пјеваше прошли дана збића.
Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

В данном отрывке Граматин говорит, что выпускает соколов на лебедей и поет песнь Боян. В переводе Негоша Боян только выпускает соколов, а песнь поет лебедь.

...увивая славами обе половины сего
времени, рыща по дороге Трояновой через
поля на горы.

Опјевај нам славу Игорову,
Да се вијни Тројанову зиду.

⁹ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича. СПб., 1819

¹⁰ Н. Граматин. Слово о полку Игоревом. М., 1823.

Темное место обращения автора к Бояну Граматин толкует почти так же, как и Пожарский.

И сказал ему сильной тур Всеволод.

Сила му је дивьег бика снага.

Здесь Граматин называет Всеволода «сильным туром», что значительно ослабляет образ, использованный автором «Слова» (буй-тур), тогда как Негош переводит дословно.

Полечу кукушкой к Дону, омочу бобрый рукав в Каяле реке, утру князю кровавые его раны на жестоком его теле.

Створ' ме, Боже, кукавицом сињом,
Да полетим пут Дунава ладна,
Да исквасим самур-одијело
У Кајали у води студеној.
Не бил' тешке уминуле ране
На Игору господару моме.

В данном отрывке у Граматина кукушка летит к Дону, а у Негоша к Дунаю. Это особенно убедительно свидетельствует о том, что Негош пользовался другим переводом «Слова».

Наконец, рассмотрим перевод А. Вельтмана,¹¹ вышедший в 1833 г.

Он десять своих соколов устремлял в лебединое стадо и первый домчавшийся сокол вдруг песню запевал.

Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

В противоположность Вельтману, у Негоша песнь поет лебедь.

Желание испытать из великого Дона умом овладело; а грустные мысли о знамении неба — душою.

Јуначка је жеђа обузела
Дивна жеђа бесамртног пића.

Вельтман противопоставляет желанию испытать из Дона грустные мысли, овладевшие Игорем. Негош переводит это место иначе. У него отсутствует противопоставление и говорится лишь о стремлении к бессмертной славе.

Вспорхну, говорит, полечу горемычная к Дону!

Створ' ме, Боже, кукавицом сињом,
Да полетим пут Дунава ладна.

Так же как Граматин, Вельтман считает, что в этом месте правильнее говорить о Доне. А Негош, как отмечалось ранее, пишет о Дунае.

О ветер! говорит она, ветер! Что ты веешь на зло? Зачем ты на легких крыльях своих мчишь стрелков ханских на рать Ярославина друга.

Вјетар зове и њему се моли:
Нашто душеш, нашто луте стр'јеле,
Од крвника на крилима својим,
Носиш против господара мога.

По Вельтману, Ярославна жалуется на то, что ветер приносит на своих крыльях «стрелков ханских». В переводе же Негоша говорится не о «стрелках ханских», а о стрелах, что соответствует тексту. Все это подтверждает предположение о том, что не переложение Вельтмана лежало в основе перевода Негоша.

Смысловое несоответствие отдельных мест в рассмотренных нами переводах и в переводе Негоша убеждает нас в том, что Негош не пользовался упомянутыми изданиями. Отсутствие в вышеуказанных переводах «Слова» членения текста на озаглавленные отрывки, которое мы наблюдаем у Негоша, также подтверждает это.

¹¹ А. Вельтман. Песнь ополчению Игоря Святославича. М., 1833.

Какое же издание «Слова» использовал Негош при своем переводе?

А. Гаврилович считает, что Негош обратился к изданию М. А. Максимова.¹² Р. Лалич присоединяется к предположению первого публикатора. Он пишет следующее: «За правильность этой мысли говорят названия отдельных частей „Слова“, которые, кажется, даны по Максиминовичу»¹³ (Р. Лалич не имел в своем распоряжении издания М. А. Максимова 1837 г.). Он считал также возможным, что Негош параллельно пользовался изданием А. С. Шишкова.¹⁴ Это положение он обосновывал тем, что в личной библиотеке Негоша было найдено собрание сочинений А. С. Шишкова, в седьмом томе которого помещены текст и прозаический пересказ «Слова».

Однако ни А. Гаврилович, ни Р. Лалич текстов не сравнивали. Ниже мы и приводим параллельные места из переводов А. С. Шишкова, М. А. Максимова и Негоша (тексты приводятся соответственно по ранее указанным изданиям).

Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пушенным.

Как вспоминал он сказания прежних времен об усобице, то пускал тогда десять соколов на стадо лебедей.

Он пјеваше проши дана
збића,
Не пјеваше как оно се пјева.
(Танким гласом и слабым
ријечима)

Ждет Игорь милого брата Всеволода. Богатырь же Всеволод вещает к нему.

Игорь ждет милого брата Всеволода. И говорит к нему Буй-тур Всеволод.

Већ он пушћа несет соко-
ловах
Да напану јато лабудовах.
Храбри Игор чека брата
свога.

Произнес к дружине своей: «Братья и друзья!»

И говорит Игорь к дружине своей: «Братья и дружина!»

Брата свога Всеволода кне-
за.
Док и њега ето, брату спје-
ши,
Сила му је дивљег бика
снага.
Како паде бесједити стада.
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћо моја и дружино
врсна!»

Ярославни голос слышется; она как оставленная горлица по утрам воркует.

Слышен голос Ярославны. Пустынной кукушкой он раздастся с утра.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Яро-
славна,
Игорова вијерница љуба.

Ты носил на себе Свято-славовы военные суда до стану Кобякова.

Ты лелеял на себе лодыи Святославовы до войска Кобякова.

Те носио Свјатославе вој-
ску,
Ухитио пука Кобјакова.

Из приведенных примеров видно, что Негош в своем переводе не следовал пересказу Шишкова. Можно предположить лишь то, что поэт пользовался в некоторых случаях текстом «Слова», который был помещен у Шишкова параллельно с прозаическим переводом последнего. В этом нас убеждает также и то, что членение на отрывки точно соответствует членению Максимова.¹⁵ Следовательно, остается предположить, что Негош пользовался переводом Максимова.

¹² М. А. Максимиович. Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII в. на древнем русском языке. Киев, 1837.

¹³ П. П. Ёггош, Дјела, књ. 2, стр. 606.

¹⁴ Собрание сочинений и переводов адмирала А. С. Шишкова, ч. VII. СПб., 1826.

¹⁵ М. Бабович в своей работе «Његошев превод „Слова о полку Игореве“» полагает, что членение на отрывки текста «Слова» у Негоша не соответствует членению М. А. Максимова. Это, вероятно, вызвано тем, что в Югославии нет издания Макси-

Затруднительно определить время перевода. Перевод не мог возникнуть ранее 1837 г., так как к этому году относится издание Максимовича. А. Гаврилович полагает, что он возник в начале творческого пути Негоша. Он пишет: «Рукопись очень похожа на рукопись Илиады и первые письма владыки, одинаковы отдельные поэтические выражения. Мы с основанием можем отнести отрывки перевода „Слова“ к первому периоду его учения и деятельности».¹⁶

Р. Лалич также полагает, что перевод относится к концу тридцатых годов. Во всяком случае в известной поэме Негоша «Горный венец» (1847 г.) имеется ряд стихов из перевода «Слова». Сербский ученый Е. Милович приводит параллели из «Горного венца» к ряду стихов перевода «Слова».¹⁷ Следовательно, и во времена поэтической зрелости Негош не забывал «Слово о полку Игореве». Таким образом, переводы отрывков «Слова» Негошем, вероятно, были первой попыткой перевода «Слова» на сербский язык.

Интерес крупнейшего поэта Югославии Негоша к величайшему памятнику русской литературы является еще одним свидетельством давней культурной взаимосвязи братских славянских народов.

мовича 1837 г. Вследствие этого сербский ученый ссылается на книгу А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве». Но там членение на отрывки Максимовича приводится не точно.

¹⁶ А. Гавриловић. «Слово о полку Игореве»... стр. 139

¹⁷ Ј. Миловић. Горски «вијенањ» и Слово о полку Игореву. В газете «Побједа». Цетиње, 6 января 1946 г. К сожалению, этой работы нет в библиотеках СССР.